

СОВЕСТЬ КАК МОРАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Статья посвящена рассмотрению значения использования в законодательных актах моральных категорий, придающих им гуманистическую направленность и оказывающих регулирующее морально-правовое воздействие на сознание и деятельность правоприменителя. Особое внимание уделяется категории «совесть», которая в настоящее время присутствует только в уголовно-процессуальном законе, в статье, регламентирующей правила оценки доказательств. Положительно оценивается наличие такого нормативного критерия, поскольку требования совести предостерегают принимающее решение лицо от предвзятости и субъективного предубеждения, тем самым обеспечивая беспристрастность и справедливость решений. Делается вывод, что закрепление в законе категории «совесть» призвано акцентировать внимание уполномоченных лиц не только на правовой, но и на моральной ответственности за принимаемые в ходе производства по делу решения.

Ключевые слова: право, мораль, совесть, справедливость, правила оценки доказательств, морально-правовое регулирование.

S. V. Kornakova

CONSCIENCE AS A MORAL AND LEGAL CATEGORY

The article is devoted to the consideration of the significance of the use of moral categories in legislative acts, which give them a humanistic orientation and have a regulating moral and legal impact on the consciousness and activity of the law enforcement officer. Special attention is paid to the category of «conscience», which is currently present only in the criminal procedure law, in the article regulating the rules for evaluating evidence. The existence of such a normative criterion is positively assessed, since the requirements of conscience warn the decision-maker from bias and subjective prejudice, thereby ensuring the impartiality and fairness of decisions. It is concluded that the consolidation of the category «conscience» in the law is designed to focus the attention of authorized persons not only on legal, but also on moral responsibility for decisions taken during the proceedings.

Keywords: law, morality, conscience, justice, rules for evaluating evidence, moral and legal regulation.

Вопрос о значении включения моральных категорий в правовые нормы неоднократно обсуждался на страницах научных изданий [1; 4; 7; 9; 10]. Именно наличием моральных категорий в правовых актах обеспечивается направленность результата применения права не только на соответствие правовым требованиям, но и на соответствие требованиям нравственным. Несмотря на то что «мораль убеждает, а право принуждает», они преследуют общую цель – регулирование поведения людей. В результате происходит взаимопроникновение правовых и моральных норм и, значит, усиление их согласованного регулирующего морально-правового воздействия на общество. В связи с этим при установлении соотношения средств регулирования социальных отношений, используемых в сфере морали и в сфере права, очевидным является наличие у них такого общего признака, как нормативность.

Тем не менее существенное отличие норм права от норм морали заключается в стремлении к предельной определенности и точности формулирования первых из них с целью обеспечения строгой однозначности восприятия правоприменителем их содержания и исключения его толкования, как несоответствующего смыслу, заложенному законодателем. В свою очередь, нормы морали, являющиеся результатом обобщения накопленного веками опыта человечества, прежде всего, носят мировоззренческий характер и потому не могут обладать подобной строгостью своих формулировок.

Вместе с тем более широкое содержание моральных норм и, как следствие, моральных категорий не исключает их использования в нормах права. Напротив, наличие в текстах нормативных актов таких моральных категорий, как, например, справедливость, совесть, честь, достоинство и др., обогащая содержание данных актов, придает им гуманистическую направленность.

Между тем возникает вопрос: достаточно ли простого включения моральных категорий в тексты законодательных актов для того, чтобы эти категории можно было одновременно считать и правовыми категориями? Так, наличие в нормативных актах многих понятий обыденного языка не делает их правовыми. Думается, что речь должна идти лишь о тех понятиях, смысл использования которых в законе заключа-

ется в оказании регулирующего воздействия на сознание и деятельность правоприменителя. К таким понятиям, безусловно, относятся такие моральные категории, как «справедливость» и «совесть».

В данной статье остановимся на одной из этих категорий – категории «совесть», содержание которой, как представляется, неразрывно связано с содержанием категории «справедливость», отнесение которой к правовым категориям бесспорно, поскольку для профессии юриста ее достижение является главным постулатом и целью деятельности, а само понятие «юстиция» в переводе с латыни означает «справедливость». Но если данное понятие присутствует практически в каждом систематизированном законодательном акте материальных и процессуальных отраслей права, то этого нельзя сказать о категории «совесть».

В частности, в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве данная категория не встречается, используется лишь производное от нее понятие «добросовестность», рассматриваемая учеными в качестве презумпции и принципа права [2, с. 285]. В наиболее общем смысле добросовестность, согласно справочным источникам, – это правдивость, честность или то, что требует от каждого долг человека, гражданина, семьянина [3, с. 212–213]. По мнению же представителей права, добросовестность – это следствие порядочности [8, с. 320].

Что касается понятия «совесть», то в настоящее время единственным российским систематизированным законодательным актом, в котором оно встречается, является УПК РФ, согласно ст. 17 которого, критерии оценки доказательств – это закон, являющийся единым для всех, и совесть каждого конкретного уполномоченного лица, оценивающего доказательства по своему внутреннему убеждению. Поэтому если в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве понятие «добросовестность» относится к оценке деятельности сторон, то в уголовном процессуальном законе понятие «совесть» употреблено исключительно в отношении оценки решений и действий властных участников судопроизводства.

Отметим, что в предшествовавшем УПК РФ процессуальном законе такими критериями оценки доказательств являлись закон и социалистическое правосознание (ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.). Сочетание данных критериев, на наш взгляд, являлось не вполне корректным. И дело не в употребленном законодателем признаке правосознания – «социалистическое», использование которого, исходя из идеологии

того времени, закономерно и вполне объяснимо, а в самом сочетании критериев (закон и правосознание), являющемся в некотором отношении тавтологичными.

Такой вывод подтверждается следующим.

Если исходить из посылки о том, что существенными признаками сформированного правосознания является не только, знание закона, но и наличие твердого убеждения в необходимости в своей деятельности руководствоваться исключительно его требованиями, то становится очевидным, что, по сути, критерий оценки доказательств один, и этот критерий – закон.

В связи с этим представляется, что категория «социалистическое правосознание» в принятом в 2001 г. УПК РФ правомерно была исключена из критериев оценки доказательств и заменена на категорию «совесть». Наличие последнего критерия с необходимостью должно предполагать высокую требовательность к профессиональным и нравственным качествам лиц, уполномоченных принимать решения в уголовном судопроизводстве, наличие у них должного уровня не только правового, но и морального сознания. В частности, если эмоциональный уровень правосознания предполагает безусловную положительную оценку законодательных предписаний, то под тем же уровнем морального сознания понимается их критическая оценка с точки зрения соответствия требований закона должному в нравственном отношении. Поэтому регулятивная функция морали, расширяет строго очерченные законом границы оценки доказательств и принимаемых на ее основе решений, которая осуществляется не только при опоре на авторитет закона, но и, в не меньшей степени, и при опоре на совесть правоприменителя.

Как справедливо отмечает В. Л. Будников, по воле законодателя закон и совесть теперь являются «нормативными критериями доказывания» [1, с. 43]. Но если соблюдение критерия законности очевидно и легко объяснимо соответствием деятельности уполномоченного лица требованиям закона, то каковы критерии совестливости? Думается, что удовлетворительное объяснение оснований подобного критерия может вызвать определенные затруднения. Между тем поступать по совести – значит поступать честно, правильно и справедливо. Поэтому именно требования совести при оценке доказательств предостерегают принимающего решение лицо от предвзятости и субъективного предубеждения, тем самым обеспечивая беспристрастность и справедливость решений.

Такое внимание и повышенная требовательность к оценке доказательств в уголовном судопроизводстве обусловлены, на наш взгляд, тем, что, в отличие от других отраслей права, только результат применения норм уголовного права (уголовно-процессуальная деятельность) влечет признание человека преступником и назначение уголовного наказания, что по определению должно выражаться в гораздо большей требовательности к получаемой в ходе производства по уголовному делу информации.

Совость – это внутреннее чувство справедливости. Исходя из этого, и категория «справедливость», и категория «совость» оценивают поступки человека с точки зрения их соответствия должному, поэтому в повседневном словоупотреблении такие моральные оценки поведения, как «по совести» и «по справедливости», относятся к одному синонимичному ряду, являясь в связи с этим взаимозаменяемыми. Каждая из этих категорий отражает сферу должного, представление о котором в нравственном отношении всецело зависит от мировоззрения и собственных, личных моральных убеждений субъекта оценки. В связи с этим оправданы предъявляемые к кандидатам, претендующим на занятие должностей властных участников судопроизводства, высокие требования, в том числе к их моральному облику. Если человек нравственный, то он делает лишь необходимое, правильное, достойное, совестливое. Поэтому профессиональные долг, честь и достоинство должны являться главными моральными ориентирами и наряду с совостью составлять нравственный стержень личности представителя закона.

Профессор П. А. Лупинская справедливо указывала, что «закрепление нравственной категории «совость» в законе подчеркивает нравственный характер деятельности лиц, принимающих решение, служит обеспечению независимости и свободы при выражении своего убеждения» [6, с. 81]. Поэтому вполне уместно относить категорию «совость» к правовым категориям. Оценка доказательств в соответствии со своей совостью, означает не только ее подчинение профессиональному правосознанию, при отсутствии которого наделение статусом властного участника уголовного судопроизводства просто невысказимо, но и осуществление нравственного самоконтроля, без которого невысказимо уважение к себе.

Таким образом, нормативное закрепление категории «совость», а также помещение правила оценки доказательств во вторую главу УПК РФ, содержащую свод принципов уголовного судопроизводства, и

признание его тем самым базовой процессуальной ценностью следует отнести к безусловным положительным явлениям в развитии российского правосудия. Именно уголовно-процессуальное законодательство, по справедливому мнению И. А. Зинченко, служит одним из наиболее значимых показателей социальной ценности, степени развития и назначения не только правосудия, но и в целом развитости правовой культуры общества [5, с. 426].

На наш взгляд, наличие такого нормативного критерия оценки доказательств, как совесть, призвано акцентировать внимание уполномоченных лиц не только на правовой, но и на моральной ответственности за принимаемые в ходе производства по уголовному делу решения, что следует отнести к прогрессивным достоинствам формулировки ст. 17 УПК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будников В. Л. Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве / В. Л. Будников // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 43–45.
2. Виниченко Ю. В. О презумпции добросовестности в российском праве / Ю. В. Виниченко // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 160, № 2. – С. 285–301.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – Москва : Эксмо, 2006. – 736 с.
4. Журавлева А. В. Нравственно-этические категории и гражданское законодательство РФ / А. В. Журавлева // Colloquium-journal. – 2019. – № 19-3 (43). – С. 53–56.
5. Зинченко И. А. Проблемы доказательственного права в УПК РФ // Уголовный процесс : Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. – Москва : Юрайт, 2013. – С. 425–444.
6. Lupinskaya P. A. Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство, практика / П. А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2010. – 240 с.
7. Нерсисян Д. Р. Совершенствование юридической конструкции совести в уголовном судопроизводстве / Д. Р. Нерсисян // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 533–536.
8. Основные начала российского и французского права / под ред. Г. А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьена. – Москва : Проспект, 2012. – 424 с.

9. Сорокин В. В. Понятие совести в правовом измерении / В. В. Сорокин // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 2–6.
10. Шабанов П. Н. Закон совести / П. Н. Шабанов, Т. М. Сыщикова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 88–93.

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института государства и права и национальной безопасности Байкальского государственного университета, Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Information about the author

Kornakova, Svetlana V. – Candidate of legal Sciences, Ass. Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of State and Law and National Security, Baikal State University, Svetlana-kornakova@yandex.ru.